

Дмитрий КРАСЬКО

**ОХОТА
НА ОХОТНИКОВ**

Дмитрий Красько

Охота на охотников

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6356362

Аннотация

Мешковский устраивается в крупную компанию личным водителем директора. И надо же такому случиться – буквально на третий день работы происходит ограбление: директор лишается суммы почти в два миллиона долларов, а обоих его телохранителей убивают. Все шишки валятся на Мешковского. В его виновности уверены и директор, и следователь, что ведет дело. Это при том, что сам директор – бывший «авторитет», а совсем недавно «откинулись» братки, оказавшиеся за решеткой по его наводке и имеющие на директора большой и острый зуб. Но следователь уже выстроил себе удобную версию, где Мешковский – главный подозреваемый, и тому ничего не остается, кроме как самому начать разбираться в этой запутанной истории...

Содержание

1	4
2	15
3	29
4	42
5	56
6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дмитрий Красько

Охота на охотников

1

– Не, он реально нормальный мужик, – сказал Генаха Кавалерист и вогнал шар в лузу. Не потому что был супер-пупер бильярдистом, а потому что повезло – я ему только что свояка подогнал. Я ведь тоже с детства с кием не дружил. Так, баловался раз в полгода. Главное, чтоб не на деньги. На деньги можно было играть с Генахой, потому что шансы были пятьдесят на пятьдесят. А попадись кто посерьезнее – и без штанов остаться недолго. Впрочем, сегодня я и с Кавалеристом играл на щелбаны.

– Нормальный-то он, может быть, и нормальный, – спорить с его заявлением было глупо, потому что я даже примерно не знал человека, о котором шла речь. Пару дней назад тот пользовался услугами Генахи, как таксера, и оставил ему свою визитку, намекнув, что нуждается в качественном личном водиле. Кавалеристу, который благополучно таксовал уже полтора десятка лет, менять сие хлебное место неизвестно на что, было не с руки, и он сообщил дядьке, что у него есть корешок (который я), тоже долго-долго работавший таксистом, но сейчас оказавшийся на вольных хлебах.

Получил согласие дядьки и, воспользовавшись своим законным выходным, прибыл вербовать меня. Тем более что я давно плакался ему, как мне себя, безработного, холостого и никому не нужного, жалко. Правда, Генаха не просек, что жалобился я только для виду (даже самым хриплым и прокуранным парням порой хочется обсопливить чью-нибудь жилетку. Просто для разнообразия). – Только я ведь, Генаха, тоже привык быть сам себе велосипедом. А личным водилой – это же придется постоянно под шефа подстраиваться. Это уже, получается, не я рулить буду, а мной рулить будут. Как-то не чувствую я энтузиазма.

– Твое дело, – сказал Генаха и со всей дури саданул по шару. Тот весело подпрыгнул и улетел со стола на пол, причем звук приземления оказался на удивление громким. Кавалерист неторопливо вернул его на сукно и, уступив мне место у стола, продолжил мысль: – Сам, между прочим, мозг мне компостируешь, что без работы сидишь. Вот я тебе и нашел работу. А ты губу выпятил.

– Ничего я не выпячивал, – возразил я и вообще не попал кием по шару. – Просто меня сомнения терзают. А тебе спасибо, что про корешка не забыл. И не журишь, Генаха, схожу я в эту фирму. Как она там называется?

– «Технопарк».

И я, между прочим, ни разу его не обманул. Ни тогда, когда ябедничал ему на свою нелегкую безработную долю, ни тогда, когда пообещал, что схожу в «Технопарк» и узнаю, что

мне там могут предложить. В ближайший же понедельник натянул куртку – осень все-таки, – и пошел.

Название фирмы, в принципе весьма говорящее, на самом деле ни о чем мне не говорило. Прежде о такой слышать не доводилось, и где она находится да с чем ее едят, я тоже не знал. Но Генаха дал мне визитку потенциального работодателя, так что найти офис труда не составило.

Первое впечатление, сложившееся уже на подходе, говорило открытым текстом – фирма солидная. Широкое крыльцо, облицованное серым мрамором, фасад, стеклянный затемненными стеклами, дверь на фотоэлементах. Над ними – неоновая вывеска: «Технопарк» – официальный дилер компании «Хай машинери». Причем, «Хай машинери» было написано именно так – русскими буквами. Я бы на месте представителей компании «Хай машинери» обиделся. А на месте веселых гопников в первом слове одну букровку неизлечимо умертвил. Явно лишняя она там. А уж воображение сограждан между литерами «Х» и «Й» нужный знак само подставит – в этом сомневаться не приходилось.

Контора занимала почти весь первый этаж огромного офисного здания, так что самому дебильному ежику становилось понятно – деньги здесь водятся. Дебильного ежика несколько смущало другое – отчего, при столь блестящем финансовом раскладе, владыка всего этого великолепия ищет себе водилу где-то на стороне?

Впрочем – не мое дело. Им был нужен извозчик, а я нуж-

дался в работе. В этом наши интересы совпадали. Оставалось только примерить мои потребности к их возможностям. Если эти параметры тоже совпадут, тогда можно будет считать, что мы просто созданы друг для друга.

Стеклянная дверь, которая на фотоэлементах, услужливо отъехала в сторону, по достоинству оценив привлекательность моих контуров, обрисовавшихся в ее зеркальном отражении. Я шагнул внутрь и оказался перед важным вида охранником, сидевшим на тумбочке. Крепенький такой, розовощекий. Явно в детстве не голодал. Со стула при моем появлении решил не вставать – кто я такой, чтобы ради меня лишние калории тратить?

– Вы к кому? – с ленцой спросил он.

– Я к... – я вынул из кармана визитку и зачитал побуквенно: – Иванцу Сергею Федоровичу, генеральному директору ООО «Технопарк-Сибирь».

– Вам назначено?

– А хрен его знает, – я пожал плечами. – Он водилу искал, а я, если что, водила и есть.

Охранник хмыкнул, одарил меня кривоватой улыбкой и сказал, перейдя на фамильярный тон:

– Подожди, я сейчас уточню.

После чего все-таки принялся тратить калории, хоть и в экономном режиме. Взялся за телефон – видимо, внутренний – и попытался уточнить у кого-то, нужен ли шефу личный водитель, а ежели да, то когда он сможет осмотреть пре-

тендента на эту роль. Получив необходимые и, видимо, исчерпывающие ответы, небрежно бросил трубку на аппарат и объяснил:

– Там справа первый коридор будет – свернешь, и вторая дверь твоя. Секретутку зовут Танька, она объяснит.

– Спасибо, друг, – поблагодарил я и пошел в указанном направлении.

Все оказалось именно так, как сказал охранник. И коридор, и дверь, и девушка. Даже с бейджем на левой титке. Надпись на бейдже гласила: «Татьяна. Офис-менеджер». Возможно, офис-менеджер и секретарь – это одно и то же, и охранник таки не соврал мне. А может, и соврал, но явно без злого умысла. Девушка все-таки наличествовала, и очень даже неплохая девушка. Длинноногая, блондинистая, в белой блузке и, как потом оказалось, в темно-синей юбке изрядно выше колен. Лет двадцати с небольшим. И, главное, с веселыми глазами. Мне такие глаза больше всего в женщинах нравятся.

– Вы к Сергею Федоровичу? – а вот ее улыбка мне совсем не понравилась. Дежурная и безликая, как будто перед ней стоял не привлекательный мужчина в самом расцвете лет, а автомат по продаже газировки.

– А что, сильно заметно? – спросил я.

Взгляд секретарши покрылся пленкой непонимания и улыбка на миг исчезла. Но ту же появилась снова – уже куда более человечная.

– Вы по поводу работы водителем, – уверенно сообщила она мне. Догадливая, чертовка.

– Да, – согласился я. – И меня зовут Миша, по фамилии Мешковский. А вы – Татьяна. И вы очень красивая девушка с замечательными глазами. Будем знакомы.

– Ага, – слегка ошарашено кивнул она и выбралась из-за стола. – Пойду, спрошу у шефа, сможет ли он вас сейчас принять. Если не сможет – у вас найдется время подождать, пока он освободится?

– Он же шеф, – я пожал плечами. – Тем более если рядом с вами ждать. Вы же не прогоните меня к охраннику? Он некрасивый, и у него, наверное, пистолет. А у вас муж есть?

– Я пойду, спрошу, – заторопилась вконец охреневшая секретарша и скрылась за дверью начальника. На которой, между прочим, не было написано, что это дверь начальника.

Переговоры длились недолго – у меня даже не возникло желания начать переминаясь с ноги на ногу. Длинноногая блондинка Татьяна снова появилась в приемной и лучезарно улыбнулась:

– Сергей Федорович примет вас прямо сейчас.

– Ура, – сказал я. – Наши снова победили. – Шагнул вперед и совершенно случайно немножко врезался в девушку. Она посмотрела мне в глаза уже с явным интересом и пониманием чего-то, мне недоступного, но ни слова не сказала и удалилась на свое рабочее место. Не без тайного, но не злого умысла покачивая бедрами. Чего, между прочим, во время

экспедиции в кабинет шефа и близко не наблюдалось. Тесный контакт со мной повлиял, гадом буду. Это я умею – людей чем-то таким заряжать. Как электрический угорь. Жаль, не было времени развить успех – потенциальные работодатели ждать обычно не любят. И я прошел в кабинет.

Сергей Федорович Иванец был человеком старой формации. В том смысле, что в девяностых такие, как он, шлялись в малиновых пиджаках со здоровенными «Бенефонами» в распальцованных кулаках и устраняли конкурентов посредством смертоубийств. Сейчас из всех атрибутов прошлого при нем осталась только бритая башка да мясистый загрибок. Золотых печаток на пальцах я не заметил, массивного «Бисмарка» на необъятной шее – тем более. Вместо «Бисмарка» там сейчас болтался красно-синий галстук-селедка. Полная, между нами, безвкусица. «Бенефон» он заменил на какую-то до невозможности крутую современную трубку, а малиновый пиджак – на супер-пупер костюм ручного пошива. Все вместе выглядело дорого, но Иванцу не шло. Потому что если ишака украсить павлиньими перьями, он все равно останется ишаком. Только, ко всему, смешным. Потому что ишак с павлиньим пером в заднице – это смешно. Но я смеяться не стал. Как-никак, передо мной сидел, возможно, будущий начальник. А если начальника оборжать при первой встрече, он может несколько неадекватно оценить чувство юмора соискателя. Потом как-нибудь поржу. Если до этого дойдет.

– Ты, что ли, водила? – проворчал Иванец, когда я осторожно прикрыл за собой дверь.

– Вроде того, – кивнул я. – Мне Генаха Кавалерист вашу визитку дал, сказал, что вам личный извозчик нужен. Генаха Кавалерист – это таксер, на котором вы в среду катались.

– Я понял, – сказал он. – Кавалерист, хе! Уматная погрехуха. Ну, а ты что – тоже таксер?

– Бывший, – сознался я. – Поперли меня из таксопарка.

– За что? – Иванец пытливо вперил в меня взгляд.

– За систематическое надругательство над завгаром. Он у нас говном был, и я ему постоянно репу чистил. Директор терпел-терпел, а потом выгнал. И меня, и завгара.

– А завгара за что?

– Сказал, что ему все равно морду бить постоянно будут – не я, так кто-нибудь другой. А директору распри в коллективе без надобности. Вот и нагнал обоих.

– Грамотный чувак, – одобрительно кивнул Иванец. – А у тебя стаж вождения большой?

– Десять лет таксовал. А права в восемнадцать получил.

– Бухаешь?

– Не запоем.

– Категории?

– Все.

– Силен, – Иванец призадумался, что было заметно по сморщившейся коже на бритой голове, и спросил: – С завтрашнего дня выйти сможешь?

Я удивился. Если у дядьки такая нужда, тогда зачем ждал столько времени? Генаха катал его в среду, сегодня понедельник. За прошедшие дни можно было дивизию водил найти.

– Смогу, – медленно проговорил я. – Только два момента уточнить хочется. Что я с этого буду иметь, и почему такая спешка?

– А третий момент уточнить не хочешь? – Иванец посмотрел на меня исподлобья и, как показалось, не очень благожелательно.

– Какой такой третий?

– Рабочий график. Я тут самый главный начальник, и у меня рабочий день ненормированный.

– А! – сообразил я. – Да это ерунда. Я, бывало, по двое суток из-за баранки не вылазил, так что привычный. Мне бы что-нибудь по первым двум пунктам услышать.

– Гы! – довольно сказал генеральный директор. – Наглый, сука, черт! В натуре, ты мне подходишь! Ладно, слушай. Спешка – потому что в пятницу я уволил прежнего водилу. Забухал, неделю на работе не появлялся. Мне такие приколы нахер не нужны. У меня тут обороты, сука, заказы горят, а он там себе квасит. Так что ты, мужик, смотри – тебе это тоже предупреждение. Типа того, что так делать нельзя. Теперь по оплате. Двести баксов в неделю на испытательный срок. Испытательный срок – два месяца. Устраивает?

– В неделю?! – я округлил глаза. – Это чего – восемьсот

в месяц? Здорово, елы-палы!

– Ты только сразу тему схавай, – жестко осадил он меня, – что я тебе не за просто так эти бабки мослать буду! Ты не лоха какого-нибудь возить будешь – ты меня возить будешь! Поэтому прикид должен соответствовать. Костюм, галстук, белая рубашка. А не вот эта хрень джинсовая. Понял? Вот, – он вынул бумажник и, высыпав на стол несколько купюр, подтолкнул их в мою сторону. – Аванс. Пять штук. Потом вычту! Пойди, прикупи себе нормальный прикид, чтобы уже завтра в цивиле быть.

Костюмчик – так костюмчик. Не самое страшное испытание из тех, что выпадали на мою долю. В школе на Елке, помнится, вообще зайчика изображать пришлось. Вот где настоящий кошмар был. А костюмчик переживу как-нибудь. И я, смахнув деньги со стола, с бесстрастной миной засунул их в карман:

– А машина?

– Значит, согласен?

– Согласен. – За восемьсот баксов? После полугода, в течение которых я сидел без работы и почти проел все свои финансово-жировые отложения? Да не вопрос! – Где машина?

– Сейчас Танька проводит тебя в кадры, оформишься, потом скажешь ей, чтобы Митрофаныха вызвала. Он покажет, где машина. Оформите доверку и все, что надо. А завтра к восьми утра – к моему дому. В костюме и без опозданий!

– Есть! – я вытянулся в струнку и взял под козырек. – Разрешите идти?

Иванец довольно оскалился, глядя на меня, и махнул мясистой рукой:

– Иди.

Я вышел в приемную и сразу напоролся на любопытствующий взгляд офис-менеджера.

– Успешно? – спросила она.

Я кивнул и, подкравшись к ее столу, склонился к белокурой головке:

– А он что – из братков?

– Кажется, да, – голос Татьяны, как и мой, прозвучал заговорщицки. Мне это понравилось. Похоже, между нами сразу нашлись точки соприкосновения. Стоило развить это направление, как только устроюсь официально. – Я точно не знаю.

– Он сказал, чтобы вы мне компанию составили.

– В каком смысле?!

– В смысле – чтобы вы меня в отдел кадров сопроводили и проследили, чтобы я в пути не скучал.

– А! – с облегчением выдохнула она.

2

Три дня спустя, вечерком, я сидел дома перед телевизором, попивал пиво из горла и пытался разобраться в чувствах, которые сформировались у меня за пару дней работы на Иванца. Понятно, что два дня – это не тот срок, после которого можно делать какие-то серьезные выводы, но для первоначального-то впечатления даже двух дней должно хватить, правда?

Только вот рассуждать особо было не о чем. Хотя мне прежде не доводилось работать личным водилой большого начальника, но, подозреваю, что именно так у них все и происходит: в семь часов – побудка-помывка-завтрак, потом поход за машиной, подача оной к дому шефа, а там, в течение рабочего дня – как судьба распорядится. Мной она распоряжалась достаточно милостиво. Часа четыре я катал Иванца по городу, а остальное время торчал в офисе. Не слонялся по нему, а находился в строго определенном месте в строго определенное время. В основном просиживал штаны в приемной, потягивая кофе и соблазняя Татьяну. Настойчивости, впрочем, в этом вопросе не проявлял – скорее, зондировал почву на будущее, – а потому и результата особого не достиг. Правда, выяснил два момента. Первый: она не замужем, но любимый человек у нее есть. Второй: любимый человек женат и разводиться не собирается, чем Танюшка не очень до-

вольна. В перерывах между посиделками в приемной и катанием господина Иванца я курил с охранниками на крыльце. Поскольку те работали посуточно, сутки через трое, то я, получается, успел перезнакомиться со всеми тремя, кому была вверена охрана «Технопарка».

Короче, ничего примечательного. Даже необходимость целыми днями пребывать в костюме и при галстукe не очень напрягала, хоть я и чувствовал себя в таком прикиде, как идиот, ибо за тридцать с большим лишком лет никогда в подобное не одевался и даже в мыслях не держал, что сподоблюсь.

Имелся лишь один нюанс. Но этот нюанс серьезно смущал меня.

Заклучался же он в следующем. Иванец три раза за два дня, прихватив с собой пару специально натасканных мордovorотов и толстый кейс, ездил к клиентам. Как я понял из разговоров, что велись при мне, как при мебели, с абсолютной беззастенчивостью – за деньгами. Вот так просто: провернул сделку, забрал наличку – и поехал. В первый день меня это обстоятельство не очень напрягло. Ну, подумаешь, не признает человек белый безнал, предпочитая черный нал. А инкассаторам не доверяет, потому что они в детстве в него камнями кидались. Бывает. К тому же шея у Иванца была толстая, башка – бритая. Чего ему бояться? При мощном охраннике с каждой стороны.

А на второй день в промежутке между вялыми попытками

склонить Танюшку к интиму она рассказала о том, чем занимается фирма Иванца и, соответственно, какие суммы он мог в этом кейсе перевозить. И мне стало немножко нехорошо, температура поднялась. Потому что компания «Технопарк» толкала на рынок отнюдь не «Тампаксы» по сто пятьдесят рублей за упаковку, но тяжелую строительную – и не очень строительную – технику. Каждая единица которой тянула на сто тысяч баксов – минимум. А если таких единиц несколько? А если кто-то прознает про идиотскую привычку Иванца самолично возить деньги?

Выглядело все это не очень логично. Впрочем, не очень логичной фигурой на посту главы «Технопарка» выглядел и сам Иванец – суть бандит, перекрасившийся в бизнесмена. При этом сохранивший менталитет и умственный багаж гопника обыкновенного, как там, бишь, такой подвид гомо сапиенса по-латыни пишется?

Хотя... Я допил пиво и, вынеся пустую бутылку в кухню, бросил ее в мусорное ведро.

Чего я хотел? Львиная доля нынешних крупных бизнесменов – успешные бандиты девяностых. Иванец – не исключение. И таскаться за деньгами в сопровождении братьев, роль которых в данном случае исполняли два мордоворота-охранника – это всего лишь привет из прошлого. Привычка, которую он не смог – или не захотел – перебороть. Ну, его проблемы.

Решив, что нет смысла дальше заикливаться на этом во-

просе, поскольку, в общем и целом, работа мне попалась неплохая, – непыльная, ненапряжная и при этом довольно денежная; тем более, что и машина была не хухры-мухры, а сотый «Лэнд Круизер», Иванец себя, любимого, уважал, на говне кататься не имел желания, – я отправился спать. А утром, как и полагается, надел кольчугу цивилизации в виде костюма за три двести, с трудом, поскольку необучен, повязал галстук, – получилось, надо заметить, омерзительно, – и пошел за машиной.

Иванец выкатился из подъезда веселый донельзя, что для меня явилось откровением. Оба предыдущих раза, что я забирал его от дома, на директора смотреть было страшно – морда помятая, мешки под глазами. По дороге на работу он все время молчал и вообще старательно пугал окружающую среду тотальной угрюмостью. Явно не любил рано просыпаться. Профессия бизнесмена имеет-таки свои недостатки, которых мне, простому смертному, слава богу, не понять.

Нынче же он, поудобней устроившись на заднем сиденье, высочайше одарил меня улыбкой и спросил:

– Ну что, Семеныч, поработаем сегодня?

Я слегка подивился тому, что он обозвал меня Семенычем – не так уж хреново я выгляжу в свои тридцать шесть. Потом еще немного поудивлялся фразе «поработаем сегодня». Вроде как предыдущие два дня мы не работали, а сосульки сосали. Но, поскольку шеф всегда прав, я только важно кивнул и подтвердил:

– А то как же, Федорыч? Поработаем! Нам ли, старым мозгоблудам, работы пугаться?

– Гы! – сказал Иванец свое любимое. – Погнали в контору.

И мы погнали. А почему бы не погнать? На сотом-то «Крузаке». На нем даже мигалку ставить не нужно – все стараются дорогу уступить. Я, в бытность свою таксистом, тоже старался держаться от таких подальше. Не потому, что наездников боялся – на их наглость у меня и своей хватало. Просто если ненароком сам зевнешь да поцарапаешь – век потом расплачиваться будешь. Там же одна краска дороже иного автомобиля стоит.

В конторе Иванец всю продолжал демонстрировать хорошее настроение. Дружески треснул охранника, сидевшего на тумбочке, по плечу, бросив: «Как делишки, брателло?!». Хлопок получился сильным, охранник чуть не упал со стула, поморщился, но с кривоватой улыбкой выдавил:

– Какие у нас дела, Сергей Федорович? У нас делишки. Дела у прокурора.

– Молодец! Шаришь тему! – похвалил шеф. – Широко, по государственному. Большим вырастешь – в Кремль охранником возьмут. – И помчался дальше.

По пути ему попалась главбухша, и он дружески потрепал ее по щеке. Что-то сказал при этом, но что именно, я не слышал, потому что задержался у тумбочки, где мы с охранником, переглянувшись, синхронно пожали плечами – мол, какая муха его укусила?

У приемной я его нагнал, хотя никуда не спешил. Просто Иванец по пути встретил еще пару сотрудниц, и обоим оказал знаки внимания. Хотя и несколько своеобразные, но все же. Девушки – обоим было слегка за сорок – были польщены. Про них собственные мужья давно забыли, а тут целый директор за жопу ущипнул. Набор эротических сновидений на ближайшую ночь им был обеспечен.

Вихрем ворвавшись в приемную, Сергей Федорович энергичным движением руки взлохматил прическу на голове у своей сексапильной секретарши, которая сидела за столом и, соответственно, ущипнуть ее за зад было сложно (хоть и не невозможно); и, ни слова не говоря, спрятался у себя в кабинете.

– Что это с ним? – Танюшка изумленно посмотрела на меня.

– Кто его знает? – я пожал плечами. – Душа начальника – потемки. Может, жена в постели новую позу придумала?

– Пошляк, – заявила Танюшка.

– Ни разу, – возразил я, принимаясь соображать себе традиционную чашечку утреннего офисного кофе. – Просто очень дотошный человек. Если у директора с утра игривое настроение, значит, тому есть причина. Поскольку настроение ему поправлял не я, значит, это сделали его домашние. А я просто пытаюсь мыслить логически.

– Мишенька, а кто тебе узелок вязал?

– Не понял, – я перестал бултыхать ложечкой в чашке и

с подозрением уставился на Танюшку. Уж больно ее вопрос на скрытую подначку смахивал. Оказалось, я ошибался.

– Галстук тебе кто завязывал? – расшифровала она.

– Никто. В смысле, я сам. А у меня дома, кроме меня, никто не умеет галстуки завязывать. Мыши на этот счет тупые. Тараканы – еще тупее.

– Ты тоже не очень острый, – успокоила она. – Это не галстучный узел, Мишенька. Это, прости меня, выбленка какая-то.

– Ты откуда слова такие знаешь? – нахмурился я. – А еще меня пошляком обзывала.

– У меня папа моряк дальнего плавания, – она целеустремленно выбралась из-за стола, подошла ближе, забрала из моих рук чашку с кофе и поставила ее на стол. После чего принялась по-хозяйски возиться с галстуком. Не скажу, чтобы мне это было неприятно. Тем более что за отсутствием в руках чашки кофе я водрузил их на теплые секретаршины бедра, против чего она, судя по отсутствию реакции, не возражала.

А чего, в самом деле? Шеф двумя щипками за задницу и одной ласковой пощечиной осчастливил целых три сотрудницы, а самой главной только прическу испортил. А ей, может, тоже мужского внимания хочется. Вот я и решил поотдуться за директора. Щипать не стал, но пощупать пощупал. На ощупь, кстати, Танюшка тоже была очень даже ничего.

Офис-менеджер между тем продолжала делать вид, что внимательно пялится на галстучный узел, а сама в полный рост вела разведывательно-диверсионную деятельность:

– А жену свою не мог, что ли, попросить, чтобы она тебе галстук завязала?

– А зачем? Я же знал, что приду на работу и ты мне все, что надо, правильным узлом завяжешь. Я пророк.

– Врешь, – убежденно заявила она.

– Вру, – согласился я.

– А почему врешь? Говори правду, а то я буду сейчас галстук завязывать, и тебя нечаянно задушю.

– Вру, потому что меня папа с мамой плохо в детстве воспитывали.

– У тебя что – вообще жены нет?

– Нет. Одинокий я. Жалко меня.

– И никогда не было?

– Не было. Девственник я. Лиши меня девственности, а? А то задолбала она меня. Болтается между ног, как погремушка. Перед людьми показаться стыдно.

Вместо ответа она стукнула меня острым кулачком под дых. Между прочим, попала. Но галстуком душить не стала – и на том спасибо.

Вот так весело, с шутками и прибаутками, я доработал до двух часов дня. Ну говорю же – ненапряжная совершенно работа. Меня даже Иванец ни разу не выдернул на предмет съездить куда-нибудь. Он вообще все это время просидел в

своем кабинете, только в туалет пару раз выскакивал.

А в два часа пополудни пришла моя пора нести трудовую повинность. Самый главный начальник на пару секунд продемонстрировал в приемной свою физиономию, которая сказала:

– Татьяна, позвони Ферзю и Кокону, пусть готовятся. Мы через пять минут выезжаем. Усек? – он посмотрел на меня. Я кивнул.

Ферзь и Кокон были те самые охранники, с которыми директор ездил забирать наличку у клиентов. Они были из того же агентства, что и ребята на тумбочке, но выгодно отличались от тумбочных размерами – здоровенные такие быки. Им бы на каком-то трубном заводе трубодувами работать, трубы из цельного куска железа усилием легких выдувать – ох, и поднялась бы наша газовая отрасль! И чтобы да, так ведь нет – Иванец выделил им небольшую каптерку, в которой мордовороты просиживали штаны в ожидании его призывного клича. Может, и еще чем-то занимались, но это оставалось их интимным секретом, посвящать в который парни никого не собирались.

Короче, относительно моей занятости все стало ясно, стоило директору назвать эти два имени. Персонально ко мне он мог бы и не обращаться – я не гордый, обошелся б и без его высочайшего внимания.

Ферзь и Кокон обрисовали свои тела в зоне нашего с Танюшкой внимания ровно через две минуты после ее звонка.

Не совру – в приемной сразу стало трудно дышать, а передвигаться хотелось только по стеночке, да и то на цыпочках.

– Не выходил еще? – прогудел Ферзь, рыжий детина двух метров ростом и шириной с Амазонку в самой широкой части эстуария.

– Нет, – Танюшка отрицательно мотнула головой, будучи, как и я, морально подавлена величием двух туш.

Стоило ей это сказать, как Иванец вышел. Снова довольный до соплей, и снова тщательно скрывающий причину своего хорошего настроения.

– Погнали, пацаны?! – спросил он. Весь такой румяный, с улыбкой, как у жабы – уголки рта за ушами терялись, хрен найдешь.

В машине наконец выяснилось, отчего Сергей Федорович нынче такие веселые. Оказалось, причина была вовсе не в том, что его жена накануне увлеклась изучением «Камасутры», результатом чего стало обилие новых ощущений, испытанных директором ночью. Все было куда прагматичнее: компания «Сибуголь-МР» приобрела у компании «Технопарк» три шагающих экскаватора стоимостью под миллион баксов каждый, и рассчитываться за них решила черным налом. Долго решала, но решила. Вот и бурлили в Сергее Федоровиче соки, воды и моча – в предвкушении солидного барыша.

Все это он с полнейшей откровенностью выложил Ферзю и Кокону, пока мы ехали к месту назначения. От этих двоих

амбалов у него, видимо, секретов не было. То ли доверял им на все сто процентов, то ли просто не ожидал никакой хохмы с их стороны, будучи уверенным, что обилие мускулов природа всегда компенсирует недостатком серого вещества. Второй вариант выглядел более вероятным – оба шкафа слушали его с каменными лицами, и даже в момент озвучивания общей суммы – два с половиной миллиона баксов, между прочим, – в их глазах не промелькнуло и намека на мысль. Это я со всей ответственностью заявляю, потому что изучал троицу в зеркало заднего вида. Идеальные охранники. Личной инициативы – ноль, потому что для нее нужно включать мозг. А приказы выполнять – с толстым удовольствием. Прикажут, к примеру, трахать друг друга – будут трахать друг друга. В выгребной яме – значит, в выгребной яме. Применяя физическую силу. Говорю же – идеальные исполнители.

Что до меня, то, как уже говорилось, для директора я значил не больше, чем любой другой предмет интерьера. Немножко платное приложение к баранке – и все. А ежели он не стеснялся откровенничать при самой баранке, то уж о приложении к оной и говорить не приходится.

Офис компании «Сибуголь – Малые разрезы», способной отваливать по два с половиной миллиона зеленою в наличном варианте, снаружи смотрелся потрясающе гадко. Мало того, что здание было старое, тысяча восемьсот похмельного года постройки, так еще и сто лет не ремонтировавшееся. Плюс – располагалось в подвале. Плюс – туда вели

древние деревянные ступеньки и такие же перила. Все вместе – один огромный, можно сказать, безразмерный, минус. Впрочем, возможно, угледобытчикам и не нужно особо напрягаться, чтобы выглядеть представительнее. Покупателям черного золота на представительность плевать. А может, головной офис у них располагался где-то в другом месте, а здесь они держали всего лишь филиал по выдаче черного нала? Не знаю.

Иванец выпихнул Ферзя из машины, выбрался сам, и они вдвоем скрылись в подвале. Кокон тоже покинул салон, обогнул «Крузак» и принялся топтаться на тротуаре, ожидая возвращения напарника и шефа. Обычная процедура. Они всегда так делали.

Я, слегка подумав, достал сигарету и присоединился к Кокону. В смысле – вылез и, подперев задницей дверь автомобиля, стал бездумно коптить небо. С охранником заговорить даже не пытался – они вообще были неразговорчивые. Оба. С Иванцом еще туда-сюда, порой даже целыми фразами перекидывались. А простое приложение к баранке переморщится и без общения со столь значительными персонами. Но, что характерно, они и друг с другом не очень-то разговаривали. Интересно – в каптерке, в ожидании призывного клича Иванца, свои дела тоже в полном молчании вершили?

Ожидание затянулось. Кокон вертел по сторонам башкой и, кажется, слегка нервничал. Какие-то эмоции у него все-таки наличествовали.

А вот я не нервничал абсолютно. Докурил сигарету, отшвырнул окурок и снова уселся за баранку. А чего мне нервничать? Во-первых, мое дело маленькое – я приложение. А во-вторых, директор задержался скорее всего из-за того, что уселся пересчитывать американских президентов. А что? Занятие приятное, к тому же, говорят, деньги счет любят. Так что пусть его побалуется арифметикой.

Иванец действительно проторчал в подвале добрых полчаса. А появился аж пунцовый от удовольствия. Впереди, настороженно озираясь по сторонам в поисках врагов, шествовал Ферзь. Кокон предусмотрительно распахнул дверь машины. Все как всегда. Никаких отклонений от нормы.

Отклонения начались, когда Ферзь подошел к «Крузаку». Спускавшийся вниз по тротуару невзрачный мужичонка в безразмерной куртке якобы из кожи вытянул вперед руку, в которой оказался, ни много ни мало, «Стечкин» с глушителем. Ферзь сразу поймал своей рыжей головой две пули и вышел из игры, медленно завалившись в салон и тем самым лишив Иванца возможности нырнуть в спасительное нутро машины. Кокон начал было оборачиваться, пихая руку за пазуху, где у него в заплечной кобуре болтался пистолет. Но в «Стечкине» слишком много патронов, и следующие три стрелок подарил Кокону.

А Иванец, похоже, от неожиданности, просто примерз к мостовой. Стоял и тупо смотрел на происходящее. Мужичонка в три прыжка оказался рядом с ним и схватился за

кейс. Только тогда Иванец очнулся и рванул ношу на себя – мол, не отдам, полчаса пересчитывал, время тратил!

Мужик, однако, попался бессердечный. На потраченное Иванцом время ему было плевать. Он просто поднял пистолет и прострелил жадному директору руку, в которой тот сжимал кейс.

3

Я наблюдал за происходящим посредством бокового зеркала. Можно было, конечно, для лучшего обзора, и голову повернуть, но после первого же выстрела меня как-то заклонило. От неожиданности. И вертеть головой не хотелось. Хотелось прикинуться ветошкой и не отсвечивать. А в салоне это было гораздо проще сделать, чем, скажем, выбравшись на тротуар с целью прикрыть грудь своего новоиспеченного шефа (до которого мне, честно говоря, и дела не было).

Вчерашним вечером я как-то лихо и окончательно умудрился убедить себя в том, что, раз Иванец самолично ездит собирать деньги, значит он целиком уверен в собственной безопасности. Значит, ему ничего не грозит. А вместе с ним и мне. Тем более, когда рядом два таких мордоворота, как Ферзь с Коконем. Но подлый мужичонка со «Стечкиным» в одно мгновение разрушил все иллюзии.

Каким-то образом у меня даже мысли не возникло о том, что неожиданная атака мужика может закончиться ничем. В смысле – постреляет и отвалит. Не знаю, может, действительно третий глаз открылся, – тот самый, что в будущее смотрит, – только я отчетливо понимал, что произойдет в каждое следующее мгновение. И совсем не удивлялся, когда это действительно происходило.

Потому и сидел, окаменевший. Наблюдая, как сначала

Ферзь, получивший свои две пули, сумел-таки засунуть руку под мышку – за пистолетом, – но, не закончив движения, осыпался в салон, расположив верхнюю часть туловища на заднем сиденье, а ногами оставшись снаружи; затем Кокон, тоже угостившись инъекцией свинца, вытащил-таки пистолет, но, лишившись остатка сил, выронил оружие и упал, придавив своего мертвого напарника дверью. После чего сполз на пятую точку и завалился набок.

А затем дар предвидения покинул меня. События начали развиваться с потрясающей быстротой, и возникло навязчивое ощущение, что я просматриваю фильм в ускоренном режиме. И по-прежнему не возникало желания выбраться из машины и попробовать себя в качестве актера.

Прострелив Иванцу руку, мужик выхватил у него кейс и скачками помчался вниз по улице. Ускакал, впрочем, недалеко – метрах в двадцати пяти-тридцати его поджидала красная «тойота-целика», в которую он и запрыгнул. Машина пыхнула дымом – видимо, дизелек, причем сильно уставший, – взвизгнула покрышками и исчезла за поворотом.

И только тут меня отпустило. Я шумно выдохнул воздух – которого, как оказалось, успел наглотаться, что бык помоев, – и не очень уверенно вылез из машины.

Иванец сидел на тротуаре, обнимая простреленное предплечье, и круглыми изумленными глазами таращился туда, где только что скрылся красный автомобиль с грабителем.

Я присел рядом с ним на корточки и осторожно спросил:

– Рана серьезная?

– Сука! – Иванец перевел взгляд ошарашенных глаз на меня. – Не, ты видал?! Он в меня выстрелил! Сука!

Несколько коротких фраз, больше похожих на выкрики истерички – и у него открылись шлюзы. Не только речевые – все. Дядька, похоже, наконец полностью осознал, что с ним произошло. И впал в панику. Я, надо сказать, вполне понимал дядькины чувства – только что при нем завалили двух охранников, ранили его самого, да еще и отобрали два с половиной миллиона американских денег. Для полноты картины не хватало только контрольного изнасилования в голову, но даже имевшегося набора Иванцу вполне хватило, чтобы перейти на визг:

– Что ты стоишь?! – завопил он на меня. – Звони ментам! В «скорую» звони! Ты что, не видишь – меня подстрелили?! Я же кровью изойду!

Я не стал ему отвечать. Неадекватен мужчинка в данный момент, все равно нормального диалога с ним не составишь. Просто поднялся, достал из «Крузака» аптечку и наложил ему жгут повыше локтя.

– Все, – сообщил я. – Не изойдешь. Кровью, по крайней мере.

Пока я возился с его рукой, Иванец молчал. А после моей фразы снова начал верещать:

– Хрена ты мне эту веревку притулил? Ты мусорам звони, бабки уходят!

– Ты чего нервный такой? – удивился я. – Ты радуйся, что он совсем тебя на смерть не пристрелил. Как Ферзя и Кокона.

– Вызывай ментов!

– Да как я их вызову?! – взорвался я. – Телепатией, что ли?

Иванец залез здоровой рукой в нагрудный карман и, вынув оттуда трубку мобильного, сунул мне.

Я послушно набрал сакральные «ноль два», но вместо ласкового милицейского приветствия услышал якобы женский голос робота, который сообщил, что номер не существует. Я парнишка настойчивый, я набрал еще раз. С тем же успехом. Засунув трубку Иванцу в карман, я пожал плечами:

– Извини. С мобилы милиция не вызывается.

– Идиот! – он даже не подумал снизить тон. Как визжал, так и продолжал визжать. И ведь, что характерно, связки выдерживали, не рвались. Двужильный, не иначе. – Нужно набирать девять-ноль-два или два ноля-два, я не помню!

– А я тем более, – отрезал я. – У меня вообще никогда мобилы не было. Так что сам вызывай, если тебе приспичило.

Что я, в конце концов, МЧС какое-нибудь? Ну, ладно – первую помощь оказал, потому что это святое. К тому же я относительно неплохо умею ее оказывать – для водилы, разумеется. Но разгадывать шарады вроде «Как вызвать ментов по мобильнику?» я не нанимался. Пусть Шойгу приезжает и разгадывает, если Иванцу так хочется. А с меня взятки

гладки. Я свой гражданский долг выполнил. А то дай волю – так еще и психологическую реабилитацию директору заставят проводить. Нет уж. Водиле – водительское, остальное – по другим адресам.

Я поднялся, достал сигареты и закурил. Иванец зло застоялся, снова вынул телефон и принялся тыкать куда-то большим пальцем здоровой руки. Рука была левой, ему было неудобно, но он продолжал настойчиво давить на кнопки.

Некоторое время я наблюдал за ним, даже не без сочувствия, потом сказал:

– Успокойся, Федорыч. Ментов однозначно уже кто-то вызвал. Машины ездят, дома жилые кругом. А если не вызвали – давай я к этим твоим угольщикам спущусь, у них же должен быть стационарный телефон? Со стационарного я умею.

Машины, кстати, действительно ездили. И мне было даже удивительно – отчего это вокруг еще не собралась толпа любопытствующих. Обычно зеваки косяком слетаются на место происшествия, когда опасность миновала и осталось самое вкусненькое – кровь и трупы. Причем слетаются быстро и в больших количествах. Не иначе, как кто-то заранее предупреждает их о своих планах и они бродят вокруг в ожидании зрелища, до поры, до времени оставаясь невидимыми. Я, кстати, уже сколько раз наблюдал сей феномен. А, учитывая, что одного из зевак – конопатого и лопаухого, которого ни с кем не спутаешь – я видел в толпе любопытствующих как

минимум четырежды, и он мне, натурально, примелькался, то имею основание утверждать, что большая часть зевак есть контингент постоянный. И информацию им явно кто-то сливает. На зависть журналистам.

Однако сейчас рядом не было никого из этих назойливых персонажей. Да и проезжающие не очень спешили поинтересоваться, что произошло. Скорее всего, мощная туша «Лэнд Круизера» скрывала от них большую часть пейзажа. А из жилых многоэтажек, коих в округе было пять штук, выстрелы вряд ли услышали – все-таки, нападающий приспособил на «Стечкин» глушитель. Разглядеть же из окна, что случилось, можно было только при очень хорошем зрении. Выходит, о том, что кто-то, скорее всего, уже вызвал милицию, я ляпнул в основном для успокоения раненного. Ну и, слегка, себя самого. Зато мое предложение сходить к угольщикам на предмет воспользоваться их телефоном было вполне серьезным.

Жаль только, что откликнуться на него Иванец не успел, лишив меня, таким образом, возможности в будущем похвалиться, что я тоже принимал в происшествии более или менее деятельное участие.

Милицию никто не вызывал, даже более – вызывать ее не пришлось. Она сама приехала. Противно заверещав колодками, позади «Крузака» остановился Узик патрульно-постового цвета. Выбравшийся из машины парнишка лет двадцати трех осмотрел место происшествия, после чего почесал кепку и сказал:

– Нихера себе!

По этому пункту я был с ним полностью солидарен. А потому отбросил окурок и кивнул:

– Вызывай бригаду, командир. И «скорую». Видишь, директора не доби́ли.

Иванец зло зыркнул на меня из положения «сидя», а молодой мент, сняв с пояса рацию, затараторил в нее:

– Второй, второй, я семнадцатый. Тут на Толбухина, пять перестрелка... Была. Два, кажется, трупа, один раненый. Понял?

– Понял, – прокрякала рация. – Высылаю группу.

– Докторов вызови! – поспешно добавил мент.

– Хорошо. Там сейчас тихо?

– Да.

– Все, парни выезжают. Отбой.

Ментик вернул рацию на пояс, наклонился к Кокону и принялся изучать его. Занимался этим минуты две, после чего выпрямился и авторитетно сообщил мне:

– Этот – готов.

– Уверен? – я внимательно посмотрел на него.

– А я что – жмуриков не видел? – обиделся парнишка. Не по-детски обиделся. Типа, ты что – мне, бывалому волку, на слово не веришь? Да я Крым и Рым прошел, самолеты плевками сбивал, у врага все ракетное топливо в одиночку вылакал!

– А ты у него вот здесь щупал? – я потрогал себя за шею,

где яремная вена.

– Да ты что? Я покойников трогать боюсь!

Я вздохнул и отвернулся. Кроме растопыренных до предела пальцев и отсутствия мозгов в голове, за душой у парнишки ни хрена не было. Славная, славная патрульно-постовая служба! Кстати, интересно, а почему он один? Пэпээсники обычно по одному не то, что не ездят, но даже не ходят. А этот все один да один. Маньяк в погонах, что ли?

На последний вопрос ответа долго ждать не пришлось. Хлопнула дверь Уазика и чей-то веселый голос поинтересовался:

– Что здесь, Олежек? Что-то серьезное?

Я обернулся. Молодой мент как раз изучал характер ранений у Ферзя, насколько это позволяла полупридавленная телом Кокона дверь. А подле Уазика стоял его соратник – лет на десять постарше и очень довольный жизнью. Рот до ушей, глаза красные. Видимо, тормознули где-то наркомана и скурили всю его коноплю.

Обведя своими красными глазами место битвы, мент подвел резюме:

– О, мля! А тут совсем все серьезно! Ты группу вызвал? Ты это, Олежек, ты тут оставайся, а мы сваливаем. А то сейчас опера приедут, спалят нас. А у меня и так последнее китайское предупреждение. Впаяют несоответствие, и пойду я вагоны грузить. Больше-то ничего делать не умею. Ты нас не сдавай, слышишь? Если что – мы погнались бандитов пресле-

довать. Договорились?

– Да езжай уже! – не оборачиваясь, раздраженно проворчал молодой. И едва слышно добавил: – Наркоша хренов.

Уазик противно поскрипел кузовом, вырuling на дорогу, и умчался куда угодно, только не преследовать бандитов. Ментик поднял на меня глаза, ткнул пальцем в Ферзя и сказал, правда, уже не так уверенно, как в случае с Коконном:

– Этот тоже готов.

– Тоже шею проверял? – ухмыльнулся я. Тот смутился. – Да ладно тебе. Оба мертвые. Если сразу не померли, то потом кровью захлебнулись. Вон, у обоих легкие пробиты.

Сообразив, что я и в мыслях не держу издеваться над ним, парнишка вздохнул с облегчением и перенес внимание на Иванца.

Тот все так же сидел на асфальте, обняв руку, и хмуро смотрел в какую-то одному ему известную точку.

– Это вы ему перевязку делали? – спросил меня ментик. Я кивнул, но поправил:

– Это не перевязка. Это жгут. Он боялся кровью изойти. Теперь может не бояться.

Ментик присел перед раненым на корточки и задал самый ожидаемый и самый идиотский вопрос:

– Как вы себя чувствуете?

– Прекрасно, мля! – ехидно отозвался Иванец. И, сфокусировав взгляд на ментике, поинтересовался: – А как бы ты себя чувствовал, если бы у тебя два с половиной лимона бак-

сов сперли, да еще и в руку при этом ранили?

– Хорошо, что в руку, – озвученная сумма заставила паренька поперхнуться, но с панталыку не сбила. – Могли ведь вообще убить. Как охранников. А рука – это ничего. Рука заживет.

– Да он мне в грудь целился! – раздраженно заорал Иванец. – Я рукой прикрыться успел! А то лежал бы сейчас, как они...

Я удивился. В грудь целился? Этого нюанса я не приметил. Хотя – очень может быть. Какой резон мужичку оставлять в живых свидетеля двух убийств и одного ограбления, если он уже встал на путь мокрушника? Меня-то убийца, понятное дело, в суматохе мог и не заметить, а вот Иванца просто обязан был валить.

Прибыла спецгруппа и перехватила бразды правления в свои руки. Сперва немного поприставали к своему сослуживцу на предмет: ты куда, такой-сякой, соратников по наряду дел? Услышав, что те помчались за бандитами, подобрили лицом и переключились на меня и на Иванца. Вернее, сперва даже больше на Иванца, который наконец поднялся с тротуара и даже штаны отряхнул. Мне был адресован лишь один вопрос, зато самый первый:

– Что здесь произошло? – спросил невысокий крепыш с лицом деревянного истукана – таким же грубым и незатейливо исполненным.

– Не знаю, – я пожал плечами и повел рукой по сторонам.

Мол, сами смотрите и разбирайтесь.

Крепыш так и сделал – обернулся и посмотрел. И принялся разбираться.

– Ты кто? – спросил он у Иванца.

– Иванец, – проворчал тот.

– Тот самый? – с налетом удивления уточнил крепыш.

– Тот самый, – голос у директора был не очень довольный. Я понял, что он далеко не в первый раз пересекается с милицией. И его знакомство с органами было совсем не шапочным. Впрочем, чему удивляться? Сразу было видно, из какой среды вышел человек.

А крепыш заржал. Весело так, заразительно. От души. Видно было, что случившееся его изрядно позабавило.

– Что посеешь, то и пожнешь, а, уважаемый? – и он хлопнул директора по плечу. Раненой руки. Директор сказал «Ай!», но возмущаться не захотел.

И началось. Пытали его, немножко – меня, фотографировали, рисовали мелом на асфальте, а потом приехала «скорая», забравшая Иванца и одного из оперов, которому было поручено продолжать опрашивать потерпевшего при любых обстоятельствах. Даже в больнице и даже под капельницей.

Крепыш отдал кому-то распоряжение оставаться за старшего, подошел ко мне и интимным жестом взял под локоть:

– А ты – водитель?

– Ну да, – кивнул я и осторожно отнял руку. Не люблю, когда за разные личные места шупают. Особенно мужики.

Особенно менты.

– Все видел, что здесь произошло?

– В зеркало. У меня, по ходу, очко сыграло, – признался я. – Сам от себя не ожидал. Боялся пошевелиться. Зато живой.

– Нападавшего запомнил?

– В общих чертах. Зеркало искажает.

– Понятно. Поехали в отделение, там пообщаемся. А то я сдуру что-то куртку не взял. Холодно.

И он, обойдя «Крузак», устроился на пассажирском сиденье. Мне ничего не оставалось делать, как занять водительское.

По дороге в отделение крепыш продолжал гаденько подхихкивать. Я долго терпел это непотребство, но потом не выдержал:

– Слушай, командир, ты чего ржешь? Там два трупака, а ты ржешь. Ты со мной поделись, я тоже хочу.

Он искоса посмотрел на меня. Может быть, ему мой тон не понравился, а может, просто не хотел разглашать веселую информацию, а пользоваться ей в одиночку. Но, поразмыслив, все-таки сказал:

– Ты знаешь, кто твой босс?

– Иванец Сергей Федорович, – поделился я. – Генеральный директор и бла-бла-бла. И что?

– Ты местный?

– Ну да, – я насторожился. Не самый традиционный для

мента вопрос. Обычно таким гопники в подворотнях балуются. Если бы опер сейчас сказал: «Слышь, мужик, закурить есть?», я бы не удивился. Но он воздержался, объяснив лишь:

– Тогда ты должен помнить, что это за гусь. Он в свое время на «железке» привокзалку держал. Слышал?

– Чего-то ты путаешь, – уверенно возразил я. – Его ваши еще в девяносто седьмом пристрелили. Я это точно знаю, потому что я все девяностые в третьем таксопарке отпахал, а отстойник у нас был как раз у железнодорожного вокзала. Так что не тренди.

– А я не трендю, – хмыкнул крепыш-опер. – Много вас таких, информированных. И каждый бегаёт, пузыри носом надувает. В девяносто седьмом Иванца пристрелили, да. Только младшего. А старший ушел.

– Врешь ты все, – я не сдавался. – Вы же тогда такую операцию провернули – привокзалка месяц о ней гудела. Всю группировку расколошматили, все сели. А главарь ушел?

– Ну, ушел! – крепыш слегка разозлился. – И не такая уж крутая операция была. Потому что у него и группировка-то так себе, восемь человек основного состава. Отморозки одни, правда...

4

Странно, но дневное происшествие не особо смутило мою чувствительную душу. Наверное, потому, что напрямую оно меня не коснулось. Нельзя же назвать касательством два часа, проведенные в отделении милиции, где крепыш долго и нудно выводывал, что мне известно – при том, что известно мне было не так уж много, и вся эта бодяга вполне себе втискивалась в двадцатиминутные рамки.

Короче, сидя вечером дома перед телевизором, я отнюдь не терзался кошмарными воспоминаниями о перестрелке, свидетелем которой умудрился стать, но решал куда более насущную проблему – идти завтра на работу или нет. Потому что, ежели Сергей Федорович Иванец придумает слегка отлежаться в больнице, подлечивая свою руку и расшатанные нервы, то и мне, как его личному водителю, делать в конторе нечего. Распоряжений относительно того, что в отсутствие директора я должен буду обслуживать кого-то другого, он не давал. Более того, ежели Иванец в больнице, то и просыпаться завтра ни свет, ни заря, чтобы забрать его из дома, ни к чему. И я пожурил себя за то, что не догадался прояснить этот момент у Танюшки сразу по возвращении из отделения. Уж она-то точно должна быть в курсе подобных нюансов. Как всякая уважающая себя секретарша... Пардон, офис-менеджер. Но в тот момент девушка сразу надела на

меня, выясняя детали происшествия, и через полчаса я думал уже только о том, как побыстрее слить из офиса. Секретарша, несмотря на всю свою сексуальную привлекательность, умудрилась надоесть мне хуже горькой редьки. О каком выяснении рабочих моментов могла идти речь?!

Вздыхнув, я вырубил телек и приготовился отходить ко сну, решив, что, коли сам прошляпил момент истины, то в любом случае завтра нужно будет проснуться и подогнуть машину к дому Иванца. Поедет он или не поедет – дело десятое.

Потом в голову пришло, что я все-таки существо дикое, отсталое и по дороге от обезьяны до человека мне еще топтать и топтать. Как я мог сразу не вспомнить о визитке Иванца, на которой, среди прочей информации, значился и номер его мобильного? Извинение было только одно – что сам я мобильного никогда не имел. Неплохая отмазка. Но даже при этом никак не удавалось избавиться от чувства досады – а куда подевалась ваша хваленая сообразительность, Михал Семеныч? Свойство, благодаря которому вы, особо не напрягаясь, пережили бурные девяностые и докатились до того, что недавно отметили тридцатилетие? Стараете, Михал Семеныч, стараете...

«Цыц!» – сказал я внутреннему голосу и, выбравшись из постели, побрел в прихожую. Поковырявшись в кармане куртки и достав директорскую визитку, я набрал номер и принялся ждать. Часы показывали половину одиннадцатого

вечера, и мне было чрезвычайно стыдно беспокоить человека в столь поздний час, но, поскольку своя рубашка ближе к телу, я успешно заборол это глупое чувство.

Иванец долго не брал трубку. Минуты две. Упрямый, сво-
лочь. Но я оказался еще упрямее. Он таки сдался, прорывав
далеко не самым приветливым тоном:

– Да! Это кто?

– Это Мешковский, – сообщил я, не вполне, впрочем, уве-
ренный, что за три дня он сумел выучить мою фамилию.
Как-никак, он – начальник, я – дурак. Согласно субордина-
ции, фамилию учить должен был я. И не свою, а его. Свою
я и так знал.

– Ты ничего не попутал? Мог бы часа в три ночи позво-
нить. Не, а че? – совсем уж неприветливо сказал директор.

Я скрипнул зубами. Тон, мягко говоря, не внушал опти-
мизма. Утешало одно – не пришлось объяснять, кто я и что
я. Сам вспомнил. Или по голосу определил?

– Уточнить хочу. Вам машину завтра подавать?

– Сам как думаешь?

Это было уже конкретное хамство, и я не выдержал:

– А я вообще не думаю. Мне по рангу не положено. Я ру-
лю машиной, а вы – конторой. Поэтому я буду думать, когда
буду рулить машиной, а вы – все остальное время, хорошо?
Подавать машину?

– Да! – рявкнул он и отключился.

Господин директор явно пребывал не в самом хорошем

расположении духа. Понять его, конечно, можно, но у меня почему-то не было желания это делать. Я совсем не Лев Толстой, и когда меня бьют с левой, я предпочитаю ответить с правой, а совсем не подставлять другую щеку. Когда на меня начинают рычать, я начинаю огрызаться. А чего? У нас в джунглях все так делают.

Повесив трубку и недобрым взглядом напугав ее – будто это был сам Иванец, – я развернулся и пошел было в опочивальню на предмет снова попытаться отойти ко сну, но телефон мстительно зазвонил. Пришлось вернуться и снова взяться за него.

– Мешковского Михаила Семеновича я могу услышать? – я-то думал, что это Иванец перезванивает, поскольку одумался и решил завтра на работу не выходить, ан нет. Голос был незнакомый.

– А Мешковский Михаил Семенович слушает, – заверил я.

– Это вас из Советского РОВД беспокоят, следовательно Зуев, – сказал голос. – Мне передали дело о сегодняшнем нападении на вашего директора. Хотелось бы встретиться и поговорить на эту тему.

– На тему того, что вам передали дело? – удивился я. – А мое мнение может что-то изменить?

– Вы мне нужны, как свидетель! – ледяным тоном сказала трубка. – И давайте обойдемся без плоских шуток. Уже поздно, я домой хочу.

Я подрастерялся. Можно подумать, я приклеил штаны товарища следователя к служебной табуретке, и теперь из-за меня он не может попасть домой к жене и детям, хоть и стремится к ним всей душой.

– Ну, так езжайте! – посоветовал я.

– Вы сами в отделение придете, или мне повестку выписывать?! – Зуев перешел на рык. Кошмар какой-то. Вечер явно не задался. Сперва Иванец на мне злость срывал, теперь вот неизвестный следователь Зуев сподобился. Может, с аурой чего-то не то? Чакры засорились? Где у нас в городе мастерская по чистке чакр? Обязательно на днях наведаюсь.

– Я приду, не вопрос, – я попытался задобрить его. – Мне прямо сейчас выдвигаться?

– Послушайте, Михаил Семенович, – проговорил Зуев нарочито-ласковым голосом, от которого сразу становилось понятно – самый максимум ласки, на который я могу рассчитывать с его стороны, это пуля в лоб из табельного оружия, чтобы долго не мучаться. – Я серьезный человек и занимаюсь серьезными делами. Мне ваша клоунада ни к чему. Если вы действительно готовы явиться без повестки, то сообразовайте прибыть завтра в районе одиннадцати утра в здание Советского райотдела, кабинет двадцать один. Знаете, где это?

– Здание знаю. Кабинет пошукаю – найду.

– Значит, я вас жду?

– Заметано.

Не самый приятный разговор на ночь глядя. Но я был всего лишь свидетелем, и никаких поводов для беспокойства не видел. Ну, попытают меня еще раз. Повторю Зуеву все то же, что говорил крепышу. От меня не убудет. На счет «поговорить» я никогда против не был. А тут даже потерянное время, скорее всего, Иванец компенсирует в денежном эквиваленте. Во-первых, по большому счету, ехать в отделение мне придется из-за него. А во-вторых, и стараться я буду для него – чтобы поскорее нашли его денежку. Хотя... В кейсе ведь был черный нал, так что директор вполне мог не рассказать ментам всей правды – опасаясь утечки информации и, как возможное следствие, неадекватной реакции со стороны налоговых служб. Впрочем, вряд ли. Просто так взять и подарить кому-то два с половиной миллиона баксов – это не в его стиле. Не в стиле крутого братка из лихих девяностых. Соврет, что просто взял в долг у хороших знакомых – и хрен докажешь, что это не так. Тем более что успел брякнуть о деньгах молодому пэпээснику. Шок и недержание речи в любом случае уже сыграли с ним нехорошую шутку.

На следующее утро Иванец был хмур и неразговорчив. Не то, что накануне. Даже угрюмее, чем в предыдущие пару дней. Сел в машину, захлопнул за собой дверь и коротко бросил:

– В контору!

Я хотел спросить, почему не по девочкам – погода ласковая, возраст еще позволяет, – но передумал. Для девочек

нужны денежки, а денежки – тю-тю. Сделали вчера ноги, влекомые мужичком со «Стечкиным». Вряд ли стоило напоминать об этом Иванцу – он и без меня еще не забыл. А если забыл, то вспоминал каждый раз, глядя на простреленную руку.

Пришлось ехать в полной тишине. Директор насупился и о чем-то сильно задумался. Так сильно, что слышно было, как мысли со стуком от черепной коробки отскакивают.

– Федорыч, а, Федорыч? – я попытался вернуть его к жизни.

– Чего? – он хмуро зыркнул на меня посредством зеркала.

– Мне сегодня в одиннадцать отлучиться надо будет. Понимаешь, вчера вечером следак позвонил, которому дело о нападении передали. Сказал, что хочет со мной беседу составить.

– Я в курсе, – кивнул Иванец. – Я вчера с ним уже составил беседу. Надо – значит, отлучайся.

Вот и весь разговор. Не очень много для получаса езды от его дома до офиса.

В конторе царил траур. Ферзь с Коконем были не местные, Иванец нанял их в охранном агентстве «Звезда», но произошло это давным-давно, так что они вполне успели сродниться с коллективом «Технопарка», стали своими. Даже не смотря на свою неразговорчивость и постоянное сидение в каптерке. Но ведь порой и до ветру высказывали, и даже, когда-никогда, слово ответное роняли. В общем, к амба-

лам привыкли. А теперь их не стало. И эта двойная смерть если не потрясла народ, то вогнала в самое мрачное расположение духа – точно.

Танюшка опять долго и упорно допытывалась, как все произошло, чем напрочь испортила мне вкусовые ощущения – кофе себе я хоть и заварил, но пить не стал. Снова в деталях пришлось рассказывать о том, что видел, и мне это стало уже надоедать – впереди маячил следователь Зуев, а значит, беседа с секретаршей была лишь легкой разминкой. Если дело и дальше так пойдет, то к концу жизни самой мускулистой моей деталью станет язык, а не то, о чем я всегда мечтал.

Между тем секретарша оказалась слегка разочарована минимумом кровавых подробностей и тем, что я не совершил никаких героических подвигов, поэтому продолжала приставать, пытаясь вытянуть из меня что-нибудь новое, погорячее. Возможно, за эти несколько дней я таки довел ее до состояния, когда обо мне начинают грезить в эротических снах, хотя прежде она довольно удачно не подавала вида. Зато теперь старалась вовсю, не веря, что герой ее ночных фантазий никак себя не проявил в столь замечательном приключении.

Мне не хотелось совсем уж ее разочаровывать, а потому я всячески тянул время, жонглируя увертками и недомолвками, а в десять часов показал язык и сообщил, что меня ждет следователь. Если ей хочется новых подробностей – пусть попристает к Иванцу, который видел все то же, что и я, и да-

же немножко больше. А еще лучше – приходит вечером ко мне домой. С прицелом остаться на ночь, конечно. Танюшка швырнула в меня скатанным в шарик листом бумаги и обиженно надула губки, но задерживать не посмела. Вряд ли поэтому, что так на нее подействовало упоминание о постели. Скорее магическое слово «следователь» оказало свое благотворное влияние.

Отыскать двадцать первый кабинет в здании Советского РОВД было делом плевым. И Зуев меня уже ждал, хоть я и прибыл на пятнадцать минут раньше обозначенного времени.

Высокий, спортивный, самоуверенный. Наверняка физподготовку всегда на «ура» сдавал. Пятьдесят раз – от пола на кулаках, тридцать раз – на перекладине, полтора центнера от груди, кросс – быстрее, чем Бен Джонсон стометровку бегал... В общем, образец для подражания. Но одет был не по форме. Даже странно.

– Следователь Зуев? – спросил я, нарисовавшись в кабинете.

– А вы – Мешковский? – спросил он в ответ. Я кивнул. – Что ж, прекрасно. Примерно так я вас себе и представлял. Присаживайтесь.

Я хрюкнул от удивления. В мозгу возникла кошмарная картинка – лежит под одеялом следователь Зуев в полном неглиже, и представляет себе меня, представляет... Сначала правой рукой, а потом, когда правая устает – левой... Мороз

по коже.

Решив, что с таким впечатлительным мужчиной надо быть поосторожнее, я подкрался к стулу, что стоял перед его столом, и сел с краешку. На тот случай, чтобы побыстрее сорваться, если ему опять придет в голову представлять меня себе.

– Чего это вы такой напряженный? – Зуев, копавшийся в каких-то бумагах, что громоздились на краю стола, подозрительно скосил на меня левый глаз.

– Ментов боюсь, – честно ответил я. – С детства боюсь.

– Начнем с того, что не ментов, а сотрудников милиции, – наставительно сказал Зуев и вытащил наконец искомую папку. – А ко мне вы можете обращаться совсем просто – Олег Анатольевич. Договорились?

– А я тоже просто Михаил Семенович! – обрадовался я. – Бывают же совпадения!

– Ну да, ну да, – рассеянно проговорил Зуев, копаясь уже непосредственно в папке. – Совпадения... – Он вынул какую-то бумажку и принялся читать, время от времени поглядывая на меня поверх листка: – Мешковский, Михаил Семенович... Анкетные данные опустим... Пять раз привлекался в качестве свидетеля, три раза – обвиняемого, оправдан. Дважды направлялся на лечение в психиатрические учреждения, отбыл, выпущен... Хм, какой идиот это писал? Ладно. Довольно богатая биография, а, Мешковский?

– Так время-то какое было? – я пожал плечами. – Кругом

беспредел. А я еще и таксистом работал. Зона риска. Между прочим, прошу заметить, по всем моментам признан невиновным, а из дурки меня выперли, как симулянта. А к чему вы эту бумажку зачитали?

– Да так, – Зуев тоже пожал плечами. – Чтобы яснее стало, с кем дело имею. И чтобы вы поняли, что я о вас все знаю. Ну что ж, Михаил Семенович, расскажите, если не сложно, что же там вчера произошло. В деталях, будьте любезны.

Я еще раз повторил то, что видел. Следователь меня внимательно выслушал, не перебивая и время от времени чиркая что-то на обычном листке, потом хитро прищурился и спросил:

– Что же это получается? Вы, ранее неоднократно привлекавшийся за буйный нрав, во время этой заварушки так испугались, что даже пошевелиться не могли?

– Не испугался, а растерялся, – поправил я. – Старею, наверное. А вообще, что я, по-вашему, должен был делать? С голыми руками лететь выручать Иванца? Которого знаю без году неделя и который мне не кум, не сват и не брат? Он, между нами, мне вообще не нравится. Это, конечно, не повод бросать его на верную смерть, только и свою жизнь ради такой личности отдавать глупо, согласитесь?

– Не знаю, не знаю, – загадочно протянул Зуев. – Не срывается у меня что-то. Нехарактерное для вас поведение, вот что странно. Зато шеф ваш, вам несимпатичный, говорит, что это, скорее всего, именно вы навели на него грабителя.

Я хотел было упасть со стула от удивления, но даже на это сил у меня не хватило. Единственное, что я смог – это проблеять:

– Не понял...

– А чего тут непонятного? – Зуев зловеще усмехнулся. – О том, что Иванец будет перевозить деньги, знал очень ограниченный круг лиц. Но со всеми этими людьми он, как уверяет, знаком не один год, и доверяет, как самому себе. Будь они наводчиками, давно бы прокололись – не в первый раз при них крупные сумму перевозит. А вы в фирме проработали только три дня, и тут – бах! – ограбление. Забавное, как вы говорите, совпадение. Не находите?

– То есть я идиот, да? – уточнил я. – Не успел выйти на работу, как устроил ограбление, а после этого остался в городе, у всех на виду – берите меня еще тепленьким?

– Может быть, вы таким образом хотите отвести от себя подозрения? – парировал Зуев. – А может, действительно идиот. Вас же пару раз направляли в психушку.

– Я отбыл! – прорычал я. – Я на свободе с чистой совестью.

– А вот с этим мы и будем разбираться – какая у вас совесть. Видите ли, я почему-то больше склонен верить вашему директору. Очень странно, что на третий же день вашей работы произошло это ограбление. Еще более странно, что вы не захотели сразу вызвать милицию...

– Да я не умею с мобилы!

– Это о себе любой дурак сказать может. А вы не хотите подумать и сознаться во всем?

Я посмотрел на него, как на ненормального. Все равно, что у приговоренного к смерти спрашивать – может, сами себе башку отрубите?

– Нет уж, – проворчал я. – Если вас так приспичило что-то доказывать – доказывайте. А я погляжу, как у вас это получится. Если что-нибудь докажете – обязательно сообщите. А пока можно мне идти?

– Конечно, нет, – Зуев усмехнулся. – Видите ли, гражданин Мешковский. Мало того, что я окончательно и бесповоротно уверен в вашей виновности – в ближайшее время я постараюсь доказать, что это именно вы навели грабителей на вашего директора. А вам в связи с этим я предлагаю трое суток посидеть в ИВС. Что вы на это скажете?

Я ничего не сказал. Я просто охренел. От этого визита можно было ждать чего угодно, только не такого финала. Ни за что ни про что меня вдруг обвиняют непонятно в чем, и собираются закрыть на трое суток. Полный бред, но на данном этапе возразить было нечего. И я поднял руки:

– Сдаюсь. Все равно с тремя сутками ничего поделать не смогу.

– Это точно, – Зуев удовлетворенно кивнул. И, блудя формальности, невинно поинтересовался: – Защитник у вас есть?

– А как же? У меня уйма защитников. В одном «Спарта-

ке» человек шесть играет.

5

Сказать, что я был в шоке – ничего не сказать. Следовательно Зуев с его иезуитской логикой буквально изнасиловал мои представления о справедливости и беспристрастности родных органов правопорядка. При том, что я и раньше-то от них был не в восторге. Но схлопотать ни за что, ни про что трое суток – это вообще нечто запредельное. Я, конечно, в свое время немало покуролесил, и это был далеко не первый мой визит в изолятор временного содержания. Но чтобы вот так, на ровном месте – такого со мной еще не случилось.

И директор. С какого перепуга он решил, что я – наводчик? Что ли, его просто загрызла тоска по безвременно ушедшим миллионам, и он решил сделать козлом отпущения первого попавшегося меня, на свою многострадальную голову умудрившегося оказаться на месте преступления? Их совместная со следователем аргументация – дескать, я работаю всего третий день, а кто-то уже умудрился наказать Иванца на два с половиной миллиона баксов – никакой критики не выдерживала. Хотя бы потому, что я и знать-то не знал о предстоящей перевозке денег. Не того калибра фигура, чтобы меня об этом в известность ставили. Почему не сказал об этом Зуеву? Да потому что в тот момент, когда он отправлял меня в каталажку, говорить ему о чем-то было бесполезно, я это по глазам видел. Все равно любые слова

он воспринял бы просто как попытку уйти от ответственности. И пока не отсижу эти долбаные трое суток, нормально-го диалога с ним не получится, знаю я таких. Ему кровь из носа нужно было продемонстрировать свою власть, что он и сделал. В расчете на то, что моя психика не выдержит, и я покаюсь в том, что совершил, а заодно и в том, чего не совершал. Хотя, судя по всему, товарищ Зуев был на сто процентов уверен, что я таки что-то совершал. И собирался это каким-то образом доказать. Что ж, флаг в руки. Я надеялся, что у него ничего из этого не получится.

Народу в камере было не очень много – человек восемь, половина из которых, по случаю духоты, пребывали в полу-голом виде. Меня запихнули внутрь, бросив: «Принимайте пополнение!», и с грохотом закрыли дверь за спиной. Отдыхайте, Михал Семеныч, а то за два с половиной трудовых дня умаялись, как лошадь.

Старожилы соловыми глазами уставились на меня. Молча. Если здесь и существовали какие-то традиции по прописке-выписке, то сегодня они не действовали. По случаю духоты, разумеется. Хотя контингент, судя по обилию наколок, подобрался бывалый. Как минимум пятеро из восьми имели за плечами опыт отсидки.

– Здорово, парни, – я шагнул вперед. – Которого шконаря вам тут не жалко?

– А ты надолго? – сидевший на койке под небольшим зарешеченным оконцем коротышка с замечательной русалкой

на безволосой груди поскреб пятерней подбородок.

– Пока на трое суток.

– А за что?

– А чтобы следователю Зуеву приятное сделать, – я хохотнул. – Как все, ни за что.

– Зуеву? – понимающе протянул коротышка. – Ну все, браток. Тебе кранты. Зуев – бульдог. Если в кого вцепится – хрен отпустит. Так что губу закатай и готовься. Три дня сутками не отделаешься.

– Жизнь покажет, – отмахнулся я. – Что со шконарем?

– Да вон, у стены можешь кости кинуть. Балалая сегодня с утра на СИЗО перевели, так что свободна шконка. Тебя звать-то как?

– Кореша Мишкой кличут. Я на это дело даже отзываюсь иногда. Приучили, гады, за десять лет. – Я осмотрел койку со скатанным матрасом. Жуткий антиквариат. Ну, да я на пуховые перины и не рассчитывал. Подошел и принялся возиться, обустройства себе ложе.

Процедура прописки меня в хате началась примерно через час. Какой-то гарный бритоголовый хлопец созрел-созрел, и, наконец, созрел. Почему ждал столько времени – черт знает. Наверное, по жизни тормоз. Но – тормоз, не тормоз, – а через час он поднялся и, засунув руки в карманы, принялся бродить по хате туда-сюда, делая вид, что прогуливается.

Минут пять топтался, гадом буду. Потом остановился пе-

ред койкой, которая успела одарить меня полудремой, и слегка пнул ее. Я открыл глаза и удивленно посмотрел на него.

– Слышь, ты, как тебя... – гнусаво проговорил бритоголовый, глядя на меня сверху вниз все теми же соловыми глазами. – Мишок, что ли? А ты че – первоходок?

– А ты че – подраться хочешь? – уточнил я. – Так ты открытым текстом говори, не стесняйся.

Бритоголовый слегка подумал – с минуту, не больше, – и снова пнул койку. Опять несильно.

– А ты че быкуешь? Деловой, что ли?

– Сядь, Фофан, – лениво окликнул его коротышка от окна, которого, как уже успело выясниться, звали Тихоном.

– Не, а че он быкует? – Фофан даже не обернулся. – Я ему, как человеку, вопрос задал, а он пальцы гнет.

Я вздохнул. Фофан был совсем-совсем нестрашным. Если кого и следовало здесь опасаться, то невзрачного безволосого Тихона с русалкой во всю грудь. А таких, как Фофан, в любом жилом микрорайоне – что собак несъеденных. Называются где как, но в основном гопотой. Бегают по улицам и отжимают у нормальных граждан шапки, барсетки и мобилы. А потом лихо пропивают эти ништяки в тот же вечер. Если, конечно, их менты поймать и прикрыть не успевают. Фофана успели. Уж и не знаю – за отжим ли мобилы или за то, что он на стене несанкционированное слово из трех грубых букв нарисовал. Неважно. Важно, что в камеру он

прихватил все свои понты. А это, между прочим, показывало, что первоходок – именно он, а не я, которого Фофан так старательно пытался уличить в этом (весьма сомнительном, между нами) грехе. И, в отличие от меня, сей вьюнош явно испытывал кайф от пребывания в камере. Не мешало бы слегка обломать ему этот кайф. Для профилактики, чтобы не зазнавался.

Поднявшись со шконки, я встал перед бритоголовым. И сразу оказался на полголовы выше. И пошире в плечах. Аккуратно положив свой лоб на его, выбритый, я широко, от всей души улыбнулся:

– Нет, Фофан, я не первоходок. Если тебе так приперло знать, то вот в этой хате я уже в третий раз. И что-то тебя здесь раньше не видел. Я и в других бывал, а тебя там тоже ни разу не водилось. У меня, правда, дальше СИЗО заходить не получалось – ну, не судьба. Выгоняли меня отовсюду. Не нужен я нигде. Ты меня за это бить не будешь?

Фофан слегка побледнел и отступил на шаг. Нормальные граждане, у которых он темными зимними вечерами отнимал ништяки и балабасы, обычно с ним в таком тоне не разговаривали. И уж тем более свою голову на его покатый лоб не складывали. Случившееся несколько – а если честно, то очень сильно – не укладывалось в его черепной коробке. Буквально из ушей выпирало. И он решил, пока не поздно, отработать назад:

– Да не буду я тебя бить! Даже не собирался!

Тихон у окна довольно заржал. Я снова развалился на койке. Процесс прописки был закончен. Но, как оказалось, он был далеко не самым интересным, что ожидало меня здесь. Самое интересное было впереди.

– Слышь, Мишок! – окликнул меня Тихон пару минут спустя. – А кроме шуток – Зуев тебя за что прикрыл?

– А я у Иванца водилой работал, – лениво отозвался я. Отмалчиваться, ссылаясь на старые воровские законы (мол, такими вещами в таких местах интересоваться не принято) смысла не было. Все равно так или иначе узнают. Мало ли лазеек для бывалого человека? А Тихон – явно из бывалых. – Иванца помнишь? Который привокзалку держал. Короче, вчера его гоп-стопнули. Два с половиной лимона баксов увели. В руке дырку из волыны просверлили. И на сладкое пару охранников завалили. Иванец решил, что это я на него наколку дал. Зуев думает, что он прав.

Тихон поковырялся пальцем во рту, прикидывая, какого количества нулей лишился Иванец. Сосчитал, уважительно кивнул и на всякий случай уточнил:

– А это ты на него наколку дал?

– Ты, Тихон, грамотный парняга, – я усмехнулся. – У тебя даже русалка во всю грудину напортачена... Скажи: вот ты взял два с половиной ляма – и что, будешь сидеть в городе и ждать, пока тебя повяжут? Чушь собачья. Я не знаю, чего ради Иванец решил в мою сторону пальцем ткнуть.

На мой взгляд, аргумент был железный. Но тема нежи-

данно оказалась слишком животрепещущей. Она не увяла после моей пренебрежительной отмашки. Ее неожиданно поддержал Фофан, насмешливо поинтересовавшийся:

– Да ну на хрен! Ты что, хочешь сказать, что Иванец просто решил тебя крайним сделать? Че-то ты туфту пихаешь. Я про Иванца слышал – реальный чертила...

– Че ты слышал? – презрительно оборвал его Тихон. – Слышал он... Ваня в середине девяностых фасон держал, а потом сдулся, как гондон. А если сдулся – значит, и раньше с дыркой был. Реальные пацаны так просто не сдуваются.

– А ты его знаешь, что ли? – огрызнулся Фофан.

– Знаю, не знаю, – проворчал Тихон. – Я с его пацанами срок мотал в Сенявино. С Баллоном и с Кобой. Баллон там и остался, от ТБЦ загнулся. Коба на Ваню злой, как собака. Сказал – откинется, на перо поставит. И за Баллона, и за все хорошее. Ваня им до хрена косяков наделал.

– Это каких это? – голос Фофана был очень недовольным. Не знаю, может, Иванец был кумиром его подвальной юности, и он никак не хотел мириться с тем, что кумира пинками сгоняют с пьедестала?

– Хороших, Фофан, – хмыкнул Тихон. – Когда менты Ванину бригаду повязали, он у своей шмары гасился. Поэтому со всеми под пресс не попал. А потом сказал пацанам – мол, если они его не сдадут, то он им не отсидку, а курорт устроит. Они его и отмазали. Пока на тюрьме были, до суда, он им каждый день дачки жирные засылал. Пацаны реально икру

ложками хавали. А после суда ни разу не нарисовался. Вот Кобу и закусило. А Коба базар держит. Такая херня, Фофан.

Тема засосала окончательно. Всех без исключения. Хата погрузилась в ностальгические воспоминания. Фофан, по возрасту зацепивший лишь самый край девяностых, но беззаветно преданный делу бандитизации всей страны, забросал окружающих вопросами. Тихон и еще пара сидельцев, как непосредственные участники основных событий, не без удовольствия вспоминали подвиги, причем, как свои, так и чужие. Если бы я был летописцем, то вполне мог бы сейчас написать криминальную летопись нашего города. И получить за нее Нобелевскую премию по литературе.

Но летописцем я не был. К тому же из всего, о чем говорилось, интересовался лишь одним персонажем – Иванцом. И относительно его фигуры мне была нарисована довольно подробная картина следующего неприглядного содержания.

В начале девяностых молодой штангист Сережа Иванец по кличке Ваня задолбался тягать штангу, потому что тяжелая, решительно и очень успешно забил на нее и начал пробовать себя в различных формах бизнеса, которые в то время могла предложить только что нарождающаяся постсоветская действительность. Выбор был не очень богатый – Иванец пытался торговать вареными джинсами, аудиокассетами и даже самогоном. Но торговля его не вставляла, и он влился в группировку своего друга, тоже бывшего штангиста, Сизого. Банда обитала на площади перед железнодорожным вок-

залом и трясла денежку с местных торгашей. Трясла пока еще не в организованном порядке, и денежек было мало.

Поскольку привокзалка – место хлебное, на нее положили глаз несколько соседствующих бригад. Последовал ряд разборок, в результате которых Сизый отправился в края, где охота гораздо богаче, торгаши – на порядок жирнее, но всех и вся крышует непререкаемый авторитет по кличке Великий Маниту. Группировка, по ликвидации вожака, попыталась было рассыпаться, но Ваня, по дружбе успевший стать правой рукой Сизого, напинал особо недовольным или трусливым самые чувствительные места, заново собрал команду и возглавил ее. Будучи неплохим организатором, он сделал из своих пацанов вполне дееспособную боевую единицу, а чтобы тем не сильно обидно было жить в режиме жесткой дисциплины, заметно поднял планку доходов за счет расширения сферы деятельности путем вытеснения с привокзалки уголовников старого пошиба. Всех, конечно, вытеснить не удалось, но основная масса предпочла ретироваться. Теперь, помимо крышевания привокзальных торгашей, бригада начала бомбить пассажиров – из тех, что побогаче. В качестве наводчиков использовалась местная бездомная пацанва, которой в начале девяностых развелось видимо-невидимо. Беспризорники отслеживали наиболее интересных персонажей, отдавая предпочтение тем, кто был в явном подпитии, и сливали их ребятам Вани. Бандюки брали потенциальную жертву под наблюдение и, если та отходила куда-то в

безлюдное место, случался гоп-стоп. Раза три даже со смертельным исходом. Малолетние наводчики получали свою долю и были весьма довольны, мечтая со временем влиться в славные ряды Ваниной группировки. Ведь парни Иванца, которым доставалось девять таких долей, жизнью были довольны еще больше.

Чтобы обезопасить себя от наездов соседей, часть добычи Ваня регулярно спускал на приобретение оружия. Соседи еще с годик пытались на что-то претендовать, но после того, как бригада Иванца на паре стрелок тупо, но до крайности эффективно утопила соперников в крови, ее оставили в покое. В конце концов, на чужое иванцовские не претендовали, довольствуясь своим – жирная «железка» подкидывала и на хлеб, и на масло, и на черную икру.

Так бы и жил Ваня, не тужил, потому что менты на его деятельность закрывали глаза. С одной стороны, он кому надо приплачивал, а с другой – особо не бесчинствовал. Трое убитых при ограблениях за пять лет, с точки зрения милиции – вполне приемлемая цифра, тем более на таком криминогенном участке, каким с начала времен считалась привокзальная. Что до кровавых разборок с конкурентами, то этого добра в славные девяностые хватало и без Иванца. Далекое не каждая вызывала пристальный интерес милиции, но по каким критериям проводился этот отбор – лишь ей самой известно. Во всяком случае, и на эти Ванины шалости менты прикрыли глаза.

Но случилось так, что Москва отправила в область проверяющего полковника. Отправила инкогнито, чтобы местные не успели подготовиться и пустить пыль в глаза. Ага, в девяностые и такое случалось.

Полковник, не будь дурак, в пути следования нажрался, как целый генерал, а по прибытии был взят на заметку при вокзальной шантропой. О нем доложили Иванцу, и тот отправил пару своих ребят пасти клиента. А по клиенту было не видно, что он полковник МВД – зима, дядька в дорогом полушубке и лыка не вяжет. Совсем, в общем, на мента не похож.

А потом ему приспичило пойти отлить. В кусты, поскольку платить за туалет пьяная гордость не позволила. В кустах ему дали по шапке обрезком трубы, забрали «дипломат», бумажник и пистолет. И оставили замерзать.

Но полковник оказался крепким, закаленным в боях застоя товарищем. Замерзать не стал, пришел в себя и отправился в местный опорник. После того, как его личность была установлена, а полномочия подтверждены Москвой, ему быстро организовали встречу с начальником УВД области. На встрече полковник наплевал на субординацию и в извращенной форме, без вазелина, зато при свидетелях отымел генерала за беспорядки, которые творятся во вверенном ему областном центре. Утром генерал, уже вполне согласно субординации, отымел своих подчиненных за те же самые беспорядки. Вечером подчиненные отымели бригаду Иванца за

один конкретный случай этих самых беспорядков. Группировка перестала существовать. В общем, было весело. Жалко, что недолго.

За эти три дня я узнал об Иванце много. Гораздо больше, чем знал, работая таксистом и коротая время на привокзальной площади в компании таких же, как и я, таксистов. Которые, между прочим, всё, всегда и про всех знают.

Короче, в плане информации трое суток оказались очень продуктивными. Только вот информация эта ничего не давала. В том смысле, что я так и не смог понять, почему Иванец решил сделать меня козлом отпущения.

6

Три дня, проведенные в изоляторе временного содержания, в конечном счете оказались совсем ненапряжными. С моей легкой руки Тихон и другие сокамерники всюду говорили о том, что им удалось совершить и пережить в прошлом десятилетии, а озабоченный Фифан восторженно дрыгал ногами и писался кипятком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.